

С.В. Шарапов*

**ГОСУДАРСТВО, КОЛХОЗЫ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)****doi:10.31518/2618-9100-2023-4-7
УДК 94(47)"1940/1945"

Выходные данные для цитирования:
Шарапов С.В. Государство, колхозы и теневая экономика в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 92–105. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-07.pdf>

S.V. Sharapov*

**STATE, COLLECTIVE FARMS AND SHADOW ECONOMY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON MATERIALS FROM NOVOSIBIRSK OBLAST)****

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-7

How to cite:
Sharapov S.V. State, Collective Farms and Shadow Economy during the Great Patriotic War (Based on Materials from Novosibirsk Oblast) // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 92–105. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-07.pdf>]

Abstract. This article is devoted to the problems of functioning of the USSR collective farm agrarian economy during the Great Patriotic War. Collective farms experienced the burden of mobilization policy minimizing the possibilities for peasants to receive an income sufficient for survival. The exclusion of personal economic interest and its replacement by administrative coercion had a negative effect on the productivity of collective farms. The kolkhoz peasantry, giving their labor in exchange for the right to use the private households, often showed indifference to the preservation of artel property. The labor, which became forced, was equally unproductive. Widespread were the practices of imitation of economic activity, evasion of artisanal work, and “barbaric” treatment of crops and livestock. Another negative consequence of the policy of total mobilization of collective farm resources was the transfer of peasant activity into the shadow economy. Emptying collective farm barns, the state itself provoked theft and the sale of artisanal products “on the side”. Nevertheless, the shadow economy, in part, compensated for failures of state supply by giving collective farms access to badly needed industrial goods, and to urban enterprises and institutions to food and land. The collective farms, however, were in an unequal position. The advantageous position was enjoyed by suburban agrarian farms, which had the opportunity to establish close contacts with the city. The most vulnerable were big collective farms in remote areas, which, above all, were subjected to hunger.

Keywords: The Great Patriotic War, agrarian policy of the state, collective farms, mobilization, shadow economy.

The article has been received by the editor on 21.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

The article was made on the topic of the state assignment “Dynamics of the Economic and Social Development of Asian Russia in the Context of Geostrategic Challenges of the Late 19th – Early 21st Centuries” (FWZM-2021-0003).

Аннотация. Статья посвящена проблемам функционирования колхозного сектора аграрной экономики СССР в годы Великой Отечественной войны. Коллективные хозяйства испытывали на себе тяжесть мобилизационной политики, минимизирующей возможности для крестьянства получать от колхозов доход, достаточный для выживания. Исключение личного экономического интереса и подмена его административным принуждением негативно влияли на производственные показатели колхозов. Колхозное крестьянство, отдавая свой труд в обмен на право пользования ЛПХ, зачастую проявляло безразличие к сохранности артельной собственности. В равной степени и труд, ставший принудительным, оказывался малопродуктивен. Распространенными были практики непроизводительного труда, имитации хозяйственной деятельности, уклонения от артельных работ, «варварского» отношения к урожаю и скоту. Другое отрицательное следствие политики тотальной мобилизации колхозных ресурсов – перенос крестьянской активности в теневой сектор экономики. Опустошая колхозные амбары, государство само провоцировало хищения и продажу «на сторону» артельной продукции. Тем не менее теневая экономика частично компенсировала провалы государственного снабжения, открывая колхозам доступ к остродефицитным промышленным товарам, а городским предприятиям и учреждениям – к продовольствию и земле. Колхозы, однако, оказывались в неравных условиях. В выигрышном положении находились сельхозартели пригородных районов, имевшие возможности наладить тесные контакты с городом, в наиболее уязвимом – многоземельные колхозы отдаленных местностей, которые прежде всего и были подвержены голоду.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, аграрная политика Советского государства, колхозы, мобилизации, теневая экономика.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023 г.

Введение. Степень влияния, которая оказала коллективизация на советскую деревню, трудно переоценить. С одной стороны, следствием прожектерской воли советской власти стала радикальная пересборка социальных связей в крестьянском обществе (именно поэтому современные исследователи выделяют «колхозный социум» в качестве особого объекта изучения¹). С другой стороны, колхозы возникли как исторически новая форма концентрации рабочей силы и средств производства в аграрном секторе экономики (хотя машинная техника в большинстве своем оставалась в руках МТС). Трансформировав социальные связи, коллективизация столь же значительно изменила отношение крестьян к труду и хозяйствованию. Данный аспект функционирования колхозной системы и будет интересовать нас применительно к условиям войны. Ключевой вопрос – каким образом навязанная крестьянству новая форма коллективизма влияла на их трудовое и экономическое поведение в экстремальных условиях?

Колхозный строй опосредовал взаимоотношения сельхозпроизводителей не только с государством, но и с другими акторами, задействованными в советской экономике. В этой связи нам представляется необходимым выйти за пределы рассмотрения колхозов только как элементов государственной мобилизационно-плановой системы и исследовать иные области их экономической активности. Данная статья, написанная по материалам Новосибирской области, продолжает наметившийся в историографии вектор региональных исследований функционирования аграрной экономики в условиях Великой Отечественной войны².

¹ См.: Изюмова Л.В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Т. 59, № 16. С. 103–118; Лапердин В.Б. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 38–52.

² Андреевков С.Н., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 4. С. 5–12; Мотревич В.П. Вклад

Государство и колхозы. Коллективизация, проведенная в значительной степени с целью концентрации аграрной продукции в руках государства, подчинила сельхозпроизводителей воле партийно-государственного аппарата. Новая аграрная система фактически лишала колхозы экономической самостоятельности, права по собственному усмотрению распоряжаться наличными ресурсами, рабочей силой, земельными угодьями, урожаем, поголовьем обобщественного скота. Эффектом советского аграрного строя, как утверждает Ш. Мерль, стала «инфантилизация» сельхозпроизводителей, которые, перестав быть хозяевами на земле, испытывали безразличие к результативности собственного труда³.

Несмотря на то, что творцы коллективизации декларативно наделяли колхозы статусом сельскохозяйственной артели, несоблюдение кооперативных принципов (добровольности вступления, экономической заинтересованности) представляется очевидным. Однако на уровне официальной риторики фикция колхоза как артельного объединения продолжала поддерживаться. В 1952 г. И.В. Сталин в своем известнейшем политэкономическом сочинении вновь напоминал, что вся произведенная сельхозартелями продукция является «собственностью самих колхозов», а экономические отношения колхозной деревни и города выстроены по принципу «товарно-денежных»⁴. В действительности колхозы могли распоряжаться лишь малой частью произведенной продукции – остатком после выполнения обязательных заготовительных планов. Посредством заготовок, которые фактически приобрели характер натурального налога, государство по своему усмотрению могло претендовать на все большую долю валового продукта, вплоть до полного устранения пределов его изъятия.

Условия войны как раз потребовали максимизировать отчуждаемую государством долю. Впрочем, еще до немецкого вторжения, в 1940 г., реформирование заготовительной системы резко увеличило натуральное налогообложение колхозной деревни. Введение погектарного принципа обязательных поставок основных видов сельскохозяйственной продукции (зерна, мяса, молока, шерсти и др.) ударило по экономике многоземельных колхозов, но государство за счет повышения планов добилось краткосрочной выгоды.

В годы войны обоснования ненормированных изъятий колхозной продукции приобрели характер почти шулерских приемов. 5 декабря 1942 г. перед руководящим составом партийных и советских органов Новосибирской области выступил секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Обвиняя региональных и районных руководителей в «антигосударственном» подходе к хлебозаготовкам, Андреев указывал на недопустимое доверительное отношение к исходящим от колхозов «заниженным» данным об урожайности зерновых. Чтобы доказать, что колхозы в «действительности» имеют резервы зерна для хлебосдачи, эмиссар ЦК прибег к очевидной манипуляции: «Средний урожай зерновых по видовой оценке, определенной органами ЦСУ, составляет 9,5 центнеров с га, <...> сдано же с гектара хлеба 1,58 центнеров, остается 8 центнеров. Если взять расход на посев озимых и засыпку семян, 15-процентный аванс колхозникам и сдачу в счет плана, то на все про все затрачено не более 3 центнеров, а 6,5 центнеров с гектара остается в обмолоченном и необмолоченном виде. Значит хлеб есть и не может быть речи, что хлеба не хватит для успешного выполнения плана хлебозаготовок»⁵. Андреев сознательно игнорировал тот факт, что при видовой оценке урожайности не учитывались резко возросшие в годы войны потери зерна во время уборки и обмолота. На языке партийного официоза того времени расчеты Андреева вполне можно назвать «очковтирательскими».

Урожайность зерновых и впоследствии становилась объектом политической манипуляции. 2 сентября 1943 г. Новосибирский обком ВКП(б) признал данные областного статисти-

в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021; Сухова О.А., Ягов О.В. Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022 № 1 (61). С. 154–166; и др.

³ Мерль Ш. Переоценка результатов советской сельскохозяйственной политики в свете сегодняшних успехов // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, № 1. С. 51.

⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 16–17.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 142.

стического управления по урожайности зерновых в регионе заниженными⁶. Это решение было принято под влиянием политического Центра и лично А.А. Андреева. На заседании бюро обкома, где обсуждался проект постановления по данному вопросу, первый секретарь М.В. Кулагин познакомил собравшихся с содержанием недавно состоявшегося разговора с Андреевым: «Андрей Андреевич так поставил вопрос – можно ли сейчас вести хлебозаготовки с таким определением урожайности? Конечно нельзя. Урожайность показана 2–3 центнера в среднем, а районы должны сдать по 4 центнера с га. Значит разговоры в районах идут не о выполнении плана хлебозаготовок, а о цифрах урожайности. Поэтому такие данные могут разложить государственную дисциплину на хлебозаготовках, дезорганизовать хлебозаготовки. Такие данные идут не на пользу, а во вред делу хлебозаготовок. Такие данные создают условия в колхозах к расхищению урожая и безнаказанным потерям. Вот что означает такая заниженная урожайность и вот как поставил этот вопрос Андрей Андреевич»⁷.

Такого рода вмешательства центральной власти воспринимались региональным руководством как завуалированный сигнал к широкому применению принудительных мер: несмотря на сопротивление колхозов, зерно для выполнения заготовительных планов необходимо будет взять. Вниз по вертикали управления аналогичные «сигналы» получали и районные власти. В качестве характерного примера приведем эпизод хлебозаготовительной кампании 1943 г. в Михайловском районе. 5 ноября обком осудил медленный темп хлебосдачи, обвинив местное руководство в том, что оно поддалось «рваческим, противогосударственным настроениям» занижения урожайности⁸. Вслед за этим для проведения чрезвычайных мер в район в качестве уполномоченного был направлен заместитель секретаря обкома Кульков⁹. Прибыв на место, Кульков распорядился добиться повышения хлебосдачи за счет очистки и подработки зерновых отходов, попутно предупредив ответственных лиц, что за невыполнение заготовительных заданий им грозит снятие с должности, лишение партбилета и отдача под суд. Районные работники, попав в подчинение к уполномоченному обкома, мгновенно считали «эзопов язык» Кулькова и действительно увеличили объемы сданного зерна, но не за счет подработки отходов, а взяв хлеб из семенных фондов колхозов. Первый секретарь обкома М.В. Кулагин трактовал данный эпизод следующим образом: «Районные работники, спасая свою шкуру, избрали наиболее легкий путь, залезали в семенные фонды вместо того, чтобы изыскивать хлеб из других источников. Вот что произошло: районные работники из-за шкурнических побуждений оставили колхозы без семян, докладывая о том, что они берут подработку»¹⁰.

Действия Кулькова вряд ли удостоились обсуждения на заседании бюро обкома, если бы не всплеск насилия по отношению к колхозникам и многочисленные жалобы с их стороны. Связано это было уже не с хлебозаготовками, а с кампанией закупки у крестьян картофеля. Кульков, прибыв в район, оказался крайне неудовлетворен ее ходом. Сам он оценивал положение дел так: «На месте оказалось, что заготовка, <...>, проходит чрезвычайно вяло, заготовка сводилась к тому, что уполномоченные ходили по селу с ведерками и собирали по килограмму, все это превращалось в форму пожертвования»¹¹. Кульков лично «рассчитал» норму потребления картофеля для крестьян (2 кг в день на одного взрослого) и поручил районным уполномоченным «убедить» колхозников продать излишки государству. «Убеждение», вновь воспринятое как «иносказание», обернулось прямым насилием. Колхозников, отказывавшихся продавать картофель, сажали под арест, ожидая добиться от них «добровольного» согласия. Для психологического воздействия в бригады, занимавшиеся «закупками» картофеля, включались начальники районных отделов НКВД и НКГБ, районный прокурор и народные судьи¹². Катастрофический характер ситуации придавал тот

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 717. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 30.

⁸ Там же. Д. 723. Л. 27–29.

⁹ Там же. Д. 748. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 23 об.

¹¹ Там же. Л. 23.

¹² Там же. Д. 748. Л. 31–31 об.

факт, что для хранения картофеля в районе отсутствовали подготовленные помещения и около 10 тыс. ц картофеля было заморожено¹³.

Насилие было постоянным спутником колхозной жизни ввиду питаемого и подкрепляемого политическим Центром недоверия к крестьянам, которые подозревались в желании избежать участия в коллективном артельном труде или присвоить себе принадлежавшую колхозам продукцию. Периодически районные власти организовывали подворные обыски с целью обнаружения и изъятия похищенной колхозной собственности. Однако на практике происхождение изымаемой продукции совершенно не учитывалось. В результате у крестьян среди прочего забирали зерно, муку, скот и другие продукты, законно приобретенные на рынке или полученные в счет оплаты трудодней¹⁴. Наиболее массовым было применение насилия с целью принуждения к труду. В спецсообщении ВРИО начальника управления НКГБ по Новосибирской области Воронцова от 28 ноября 1944 г. указывалось, что через военную цензуру проходит большое количество писем на фронт от семей военнослужащих, содержащих жалобы на систематические побои со стороны руководителей колхозов, совхозов и местных органов власти¹⁵. Только с 1 августа по 20 ноября 1944 г. было зафиксировано 91 письмо, сообщавшее о фактах насилия. В основном отправители писем (женщины) жаловались на применение грубой силы со стороны председателей колхозов и бригадиров: «...На работу провожают нас в затылок. Санников угощает нас кулаками. Председателем был в Воскресенской и там людей привязывал к оглобле и гнал во весь дух. Одного мальчика 13 лет ударил два раза так, что он на третий день умер. У нас в Варакино тоже такие порядки заводит»¹⁶; «...Красноармейкам ничем не помогают и руководители нас начинают бить. Блинкова Федосья работала ночь на молотье, а день без отдыха на вязке и стали назначать ее опять на ночь, а за то, что она отказалась, то председатель сельсовета и председатель колхоза избивали ее и она после этого несколько дней не могла подняться с постели. Вот что делают с семьями фронтовиков»¹⁷, «...Бригадир Агапов избивает детей, работающих у него в бригаде. Нашего Васю всего избил палкой, пинками, избитого посадил на грабли и кричит: – Работай, а то голову отрублю. Избитого ребенка домой не отпустил. Жаловаться некому, сельсовет никаких мер не принимает. Что здесь делают наши руководители, как они издеваются над нами, – бьют детей, получается рабство. Как раньше били господа нагайками, так и Советская власть бьет. Неужели батюшко Сталин так разрешил. Если было бы можно, мы довели бы до сведения об этом нашему отцу – т. Сталину»¹⁸.

Михайловский район, о котором шла речь выше, относился к категории неблагополучных. Показателем была не только слабая экономика, но и напряженная продовольственная обстановка. Вместе с Михайловским группу отстающих образовывали районы, располагавшиеся в Барабинской степи Новосибирской области. Зимой 1942/1943 г. из 23 районов, переживавших острые продовольственные затруднения, 15 относились к территории Барабинской степи (всего там располагалось 17 районов)¹⁹. О необеспеченности продуктами питания в колхозах этой местности М.В. Кулагин докладывал А.А. Андрееву и в 1941 г.²⁰ Основные причины отставания заключались в прямолинейной и слепой к специфике районов государственной аграрной и заготовительной политике. Навязанная всему региону зерновая специализация не учитывала характеристик почвенного покрова Барабинской степи. Преобладание болотно-луговых, болотно-подзолистых и засоленных почв создавало выгодные условия для животноводства, но из-за низкого содержания гумуса земледелие здесь было заведомо малопродуктивным. Введение погектарного принципа обязательных поставок зерна для колхозов Барабинской степи обернулось невыполнимыми хлебозаготови-

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 748. Л. 25–25 об.

¹⁴ Там же. Оп. 34. Д. 175. Л. 89–90.

¹⁵ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 248.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 248–248 об.

¹⁸ Там же. Л. 251 об.

¹⁹ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 293.

²⁰ Там же. Оп. 6. Д. 230. Л. 8–9.

тельными планами. Повышенный объем полевых работ не давал возможности колхозам Барабинской степи использовать богатые природные условия для развития животноводства. Вопреки здравому смыслу колхозы принуждены были растрачивать большую часть труда на производство зерна в ущерб экономически выгодному направлению хозяйства. В результате грубой непреложности аграрной политики районы Барабинской степи не имели даже шанса выйти из экономического тупика. Как следствие, голод, поражавший прежде всего наиболее незащищенные слои населения – многодетные семьи, лишившиеся кормильца.

В марте 1943 г. в Северном районе Барабинской степи семья военнослужащего Б., жена и четверо детей, вынуждены были переехать к родственникам в другую деревню. В силу того, что и родственники были не в состоянии оказать необходимую продовольственную помощь, семья приняла решение пешком вернуться обратно в Северный район. Остановившись в пути на культстане колхоза «Новая жизнь», жена Б. убила своего младшего двухлетнего ребенка и употребила в пищу для себя и оставшихся детей²¹. В деревне Красноярка того же района в семье П. умер четырехлетний ребенок. Мать умершего ребенка не похоронила, а употребила в пищу²².

В колхозе «Красный путиловец» Пихтовского района Барабинской степи из 37 семей колхозников только пять имели незначительное количество овощей для питания, остальные 32 семьи питались различными отходами и падалью²³. В колхозе «Труд и оборона» Куйбышевского района Барабинской степи из 108 хозяйств не были обеспечены продовольствием 40²⁴. В колхозе им. Калинина Каргатского района Барабинской степи не имели продуктов питания 15 семей, в колхозе «Красный Урман» – 26, в колхозе «13 годовщина Октября» – 30.²⁵ Наиболее тяжелым оказывалось положение в так называемых неуставных сельскохозяйственных артелях (спецпоселках). Так, в артелях «Переселенец» и «Верный путь» Пихтовского района за первые 20 дней февраля 1943 г. умерли от голода 18 человек. За один день вымерла вся семья Д., состоявшая из матери и двух детей²⁶.

Во многих случаях трудоспособные члены семей, оказавшихся без средств к существованию, вырабатывали количество трудодней, значительно превышавшее обязательный минимум (даже с учетом его повышения в 1942 г.)²⁷. Однако участие в артельных работах не обеспечивало даже минимальных потребностей колхозников в пропитании. Колхозы оказались несостоятельными ни в качестве хозяйствующих субъектов, ни в качестве источников основного крестьянского дохода.

Экономическое обесценивание артельного труда негативно влияло на продуктивность хозяйственной деятельности колхозов. Понятие «хозяйствование» с присущим ему экономическим содержанием – соизмерением затрат и результатов труда – вообще вряд ли применимо к колхозному производству. В деятельности колхозов систематически воспроизводились и умножались практики бессмысленного непроизводительного труда, его имитации, не говоря уж о прямом уклонении от выполнения государственных заданий. Если политическому аппарату и удавалось добиться концентрации крестьянского труда в колхозах, то проблема его продуктивности оставалась по большей части «слепым пятном».

Практики имитации хозяйственной деятельности возможно обнаружить в любом сегменте колхозных работ. Посевные кампании повсеместно проводились с грубыми нарушениями элементарных агротехнических правил – сев производился некондиционными семенами по неподготовленным почвам. В некоторых случаях проведение кампании оборачивалось полноценной фикцией. Например, в 1943 г. в колхозе «Большевик» Ордынского района часть семенного материала была расхищена, а в сводку посевов включена площадь, на которой фактически сев не происходил. Во время уборки урожая колхоз договорился

²¹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 137.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 305.

²⁴ Там же. Л. 308.

²⁵ Там же. Л. 299.

²⁶ Там же. Л. 306.

²⁷ Там же. Л. 293–311.

с комбайнером, чтобы тот указал эту площадь как убранную²⁸. Аналогично в 1942 г. в колхозе «Борьба» Северного района 87 ц семенного зерна были съедены весной, но попали в сводку посевов²⁹.

Количество засеянных гектаров, зафиксированное в сводке выполнения плана, являлось главным показателем качества работы колхоза во время посевной кампании. В погоне за расширением посевных площадей колхозники принуждались к выполнению порой абсурдных с хозяйственной точки зрения работ. Агроном-директор Томской льняной опытной станции В.А. Стенин в личной записке на имя М.В. Кулагина указывал на вопиющие случаи бессмысленных непроизводительных трудозатрат, приносящих больше вреда, чем пользы: «Кому нужно такое расширение посевов, как это имело место в Томском районе в 1942 г., к сожалению, не являющимся исключением, когда с 15 по 25 июня, вопреки всякому здравому смыслу, без какого-либо соблюдения агротехнических правил засеяли около 2 тыс. га семенами проса, взятыми из ликероводочного треста, неизвестного происхождения и всхожести. О стопроцентном выполнении плана рапортовали, кое-кто сохранил партбилет и прочее. А результат – обман государства и народа, испорченные 60 ц крупы, которыми можно было бы порядочное количество времени кормить дивизию, так как эти посева ничего, или почти ничего, не дали, кроме засорения земли. Я был свидетелем того, как в трех колхозах – “Имени Ворошилова”, “Заветы Ленина”, “Ударник” – 22 июня действительно сеяли, разбрасывали по полю семена, а не съели их, и как в августе месяце эти же поля с одиночными растениями проса перепаживались под рожь»³⁰. Такого рода случаи не были редкостью. Так, в колхозах «Возрождение», «Майское утро», «Авангард» Мошковского района в 1943 г. семена озимых культур были высеяны по непрокультивированному, заросшим сорняками парам, при этом разбросанные вручную семена не были даже заделаны в почву³¹.

Дальнейший уход за посевами, прополка, междурядная обработка проводились безынициативно, при том что областные власти старались мобилизовать в помощь колхозам все незанятое городское население (в основном женщин-домохозяек, комсомольцев и школьников). Удивительно, но направлявшаяся в помощь рабочая сила не была желанной ни районным властям, ни самим колхозам. В 1942 г. первый секретарь М.В. Кулагин на одном из заседаний бюро обкома сетовал на беспечность районных властей: «Надо отметить, что многие районы в своих телеграммах дали уменьшенные заявки на рабочую силу, что свидетельствует о том, что районы не хотят проводить прополку, это надо учесть и сделать правильную разверстку по районам, чтобы были обеспечены все работы на поле»³². Такое отношение складывалось потому, что бремя содержания дополнительной рабочей силы, обеспечения ее жилищными и бытовыми условиями (хотя государство и выделяло хлебные фонды) ложилось на колхозы, а ответственность перед обкомом несли районные власти. Так, например, в 1942 г. в колхозе «13 лет Октября» присланные в помощь на полевые работы школьники попали в невыносимые условия: в выделенном для жилья помещении не было ни топчанов, ни столов, учащиеся спали и питались на грязном полу, никакой посуды для приготовления пищи предоставлено не было. В течение долгого времени школьники не имели горячей еды, а выделенные фонды хлеба расходовались колхозниками на собственное питание³³. Как следствие, школьники бросали работу и бежали в город. Колхозники со своей стороны проявили к детям бесчеловечное отношение. В постановлении обкома, осуждавшем столь вопиющий случай, указывалось: «Вместо того, чтобы не пожалеть для прибывших школьников молока, овощей и других продуктов, имеющихся у них

²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 715. Л. 105 об.

²⁹ Там же. Д. 654. Л. 86 об.

³⁰ Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 274.

³¹ Там же. Оп. 33. Д. 715. Л. 1–2 об.

³² Там же. Д. 612. Л. 44.

³³ Там же. Д. 631. Л. 26.

в избытке, отдельные колхозники встали на путь вымогательства, выменивая за продукты питания у учащихся одежду и другие вещи»³⁴.

Другим показательным документом является докладная записка бригадира группы домохозяек, работавшей в 1941 г. на уборке в колхозе им. 1 Мая Искитимского района. По ее словам, председатель колхоза крайне удивился прибывшей бригаде, рассчитывая на 10–15 чел., а не на группу в 60 чел. Бригадир Попрыкина следующим образом описывала дальнейшее участие женщин в работах: «Прибыли на пашню, а здесь квартир нет, правда, стоял домик, зашли мы туда, а там окна все выбиты, грязны. Я оставила трех женщин, чтобы они побелили, а остальных направила на работу, но вот тут-то и завязалось – граблей нет, вил нет, женщины обижаются, мы, говорит, приехали, а у них и своим-то колхозникам делать нечего. Колхозники, конечно, стали на нас говорить: “Вот приехали обжираться, а нам самим не хватает хлеба”»³⁵.

Во время уборочных кампаний официальная пропаганда настраивала колхозы и совхозы на спасение каждого центнера выращенного урожая. Имея в виду ранние заморозки в климатических условиях Западной Сибири, власть требовала включаться в массивную уборку заранее, не дожидаясь полного созревания хлебов. Такие установки наткнулись на сопротивление со стороны колхозов. Весьма распространены были так называемые «зеленые настроения», которые выражались в отказах выходить на уборку по причине незрелости посевов. На наш взгляд, основным мотивом затягивания уборки со стороны колхозов была экономия труда, рассчитывать на полноценную оплату которого не приходилось. При сокращении возможностей МТС массивная начало уборки означало включение в работу простых конноуборочных машин и широкое применение ручного труда. Председателем облисполкома И.Т. Гришиным безынициативность колхозов объяснялась следующим образом: «Мотивируется – зачем работать простыми машинами, когда можно подождать, пока хлеб созреет, и убрать его комбайнами»³⁶. Кроме того, уборка недозревшего хлеба была сопряжена с многочисленными издержками труда, поскольку такое зерно требовало просушки и дополнительной подработки. К тому же раннее начало уборки накладывалось на важную для колхозного крестьянства сеноуборочную пору (а ведь сохранение скота в личном приусадебном хозяйстве (ЛПХ) являлось важным условием выживания в военное время).

Колхозы усматривали выгоду в том, чтобы как можно большая часть собранного урожая была приведена в некондиционное состояние, ведь непригодное для сдачи государству зерно оставалось на внутреннее потребление. М.В. Кулагин в 1942 г. на заседании бюро обкома, посвященном хлебозаготовкам, отмечал, что артели сознательно допускают порчу урожая: «Имеют место такие случаи, когда гибнут хлеба, потому что оставляют зерно в большом количестве неубранным под крыши, оно греется, гибнет и идет в отходы. Отходы прибирают к месту, имея в виду, что, когда настанет нужда, эти отходы можно будет использовать или как зерно, или на фураж»³⁷. Способов искусственно создавать отходы в распоряжении колхозов было множество. Как указывалось в постановлении обкома от 2 декабря 1943 г., колхозы «засоряют хлеб примесями других культур и приводят его в некондиционное состояние для сдачи государству, при длительном хранении зерна неочищенным, подвергают порче, с целью использования на внутривоспроизводственные нужды»³⁸. Сама по себе очистка зачастую оборачивалась имитацией. 18 ноября 1942 г. в рассылаемом по районам закрытом письме обком предупреждал местные власти о необходимости внимательно относиться к тому, как работают колхозы: «Умышленно при обмолоте оставляют зерно в колосе или в соломе, или в различных отходах. Очищают зерно обязательно триерами с той же целью – как можно больше получить отходов, а затем израсходовать их на фураж или раздать по трудодням, тогда как зерно для сдачи государству можно сделать кондиционным

³⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 631. Л. 26.

³⁵ Там же. Оп. 5. Д. 360. Л. 94–95.

³⁶ Там же. Оп. 33. Д. 637. Л. 166 об.

³⁷ Там же. Д. 647. Л. 123.

³⁸ Там же. Д. 728. Л. 1 об.

путем очистки на обычных веялках и сортировках»³⁹. В докладной записке о ходе хлебозаготовок в Тогучинском районе в 1942 г. председатель облисполкома И.Т. Гришин предупреждал, что колхозы всеми возможными способами стараются затягивать работу по приведению зерна в кондиционное состояние для сдачи государству: «Как выяснилось, почти каждому уполномоченному и проверяющему дается такой ответ, что надо сортировать, надо сушить, надо подработать. Но как только уходит уполномоченный – ни сушки, ни подработки зерна не делают, сознательно затягивают, чтобы хлеб оставить на внутриколхозные нужды»⁴⁰.

По той же причине колхозам было выгодно как можно дольше оставлять зерно необмолоченным. Активная фаза хлебозаготовительной кампании начиналась в августе и продолжалась до начала следующего года. При условии, что колхозу удастся растянуть обмолот, необмолоченная часть зерна могла достаться артели. Во время обсуждения на бюро обкома хлебозаготовок в области в ноябре 1943 г. секретарь обкома П. Ужев указывал на сознательное затягивание обмолота колхозами: «Говорят, что молотилки и комбайны не работают потому, что много неисправностей и нет горючего. Неверно. Неправильно. Мы имеем сейчас сведения по данным наших органов и по данным нашей личной проверки в Туганском и Искитимском и других районах такие факты, когда саботажники хлебосдачи заявляют с прямой откровенностью, что если мы сейчас закончим молотьбу хлеба, это значит, что весь хлеб будет вывезен и нам ничего не достанется. Затягивают обмолот с целью оттяжки выполнения плана хлебосдачи с тем, чтобы растянуть обмолот хлеба до нового урожая так, как это было и продолжает быть в некоторых районах и сейчас»⁴¹.

В годы войны государство, претендуя на тотальное изъятие колхозной продукции, минимизировало возможности для крестьян легальным путем получать полноценную долю от произведенного. Тем самым власть сама провоцировала воровство колхозной собственности. Учитывая исключительно плохое состояние ее учета, хищения сопровождали весь цикл сельскохозяйственных работ. Обесценивание колхозного труда и внешний над ним контроль приводили к тому, что колхозники с безразличием относились к сохранению урожая. Фактически колхозы были местом обмена труда, причем для рядовых колхозников его продуктивность не имела значения, на возможность вести подсобное хозяйство, которое и становилось главным источником пропитания. Меры государства по ужесточению трудового законодательства (повышение обязательного минимума трудодней) вряд ли могли качественно повлиять на колхозную экономику. Таким образом, решить проблему нерационального использования труда не представлялось возможным. Более того, проведение карательных мер по отношению к «тунеядцам» могло наталкиваться на защиту со стороны самих колхозов. Например, прокурор Маслянинского района обнаружил в колхозе «Сатурн» «излишне» либеральное отношение к «лодырям» – вместо передачи материалов в народный суд на 11 колхозников правление ограничилось штрафом в размере 5 трудодней на каждого⁴². В докладной записке прокуратуры о выполнении постановления о повышении обязательного минимума трудодней состояние трудовой дисциплины в колхозах оценивалось следующим образом: «Организация труда поставлена отвратительно. Как правило, накануне рабочего дня правлениями колхозов наряды на работу не составляются. Назначения на работу даются только утром путем подворных обходов, разыскивания отдельных колхозников, вызова их в контору колхоза. При такой постановке трудовая дисциплина падает; лодыри и тунеядцы приступают к порученной им работе в 10–11 часов утра. В период рабочего дня не контролируются. Работу кончают, не выполнив заданий, в 3–4 часа дня и зачастую остаются безнаказанными»⁴³.

Колхозы и теневая экономика. Если частный интерес крестьянства не находил выражения в легальных формах колхозной деятельности, то некоторое пространство ему

³⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 651. Л. 86.

⁴⁰ Там же. Д. 654. Л. 77 об.

⁴¹ Там же. Д. 648. Л. 82 об.

⁴² Там же. Оп. 34. Д. 184. Л. 87.

⁴³ Там же.

давал теневой сектор экономики, отчасти компенсировавший изъяны государственного товарооборота и снабжения. Колхозы в качестве предметов аренды, торгового и обмена могли предложить землю, скот и продовольственную продукцию; взамен они рассчитывали получить остродефицитные в сельской местности промышленные товары – материалы, горючее, запчасти для техники, мануфактурную продукцию и пр. Преимущество имели колхозы пригородных районов (Новосибирского, Мошковского, Туганского, Болотнинского, Томского и др.).

Значительную активность в контактах с колхозами проявляли отделы рабочего снабжения (ОРСы) городских предприятий, которые выступали агентами заключения сделок по обмену продовольствия на промышленные товары. Теневой характер таким операциям придавала весьма распространенная практика продажи колхозами товаров, предназначенных для сдачи государству. Облпрокурор К.Я. Румянцев во время обсуждения на бюро обкома проблемы расхищения колхозной собственности считал необходимым проверить все ОРСы: «Есть случаи, что они заключают с колхозами договоры, причем извращают идею шефства, используют тяжелое положение колхозов, забирают у них многие продукты, вплоть до крупы, которая подлежит сдаче государству. Они привозят в колхозы технику, сырье и материалы и меняют их, толкают колхозы на противогосударственные дела»⁴⁴. Так, в колхозах Мошковского района за короткий промежуток времени в обмен на промышленные товары только ОРСом одного завода было взято 7 коров, свыше одной тонны мяса, много картофеля и других сельскохозяйственных продуктов⁴⁵.

Такие контакты, по данным К.Я. Румянцева, зачастую осуществлялись при посредничестве районных властей, которые сами нередко рассматривали колхозы как источник собственного снабжения. Во взимании «оброка» с колхозов участвовали как работники райкомов и райисполкомов, так и сотрудники НКВД, райземотделов и других организаций. Так, по данным КПК, только из колхоза им. Сталина Болотнинского района в 1943 г. на личные нужды председатель сельсовета забрал 121 кг муки, 15 кг мяса и 16 кг меда, управляющий отделением Госбанка – 15,5 кг меда, начальник районного управления НКВД – 6 кг мяса и 12,7 кг меда, секретарь райкома – 30 кг мяса и 5 кг меда, уполномоченный райкома – 10 кг меда, заведующий райземотдела – 8 кг зерна, 2,5 кг мяса и 4,1 кг меда и т.д.⁴⁶ Взамен правления колхозов получали возможность без препятствий со стороны районной власти вести дела и в свою пользу. Председатель вышеупомянутого колхоза, удовлетворяя требования районных работников, не забывал и о себе. В январе 1943 г. продав мед колхоза на рынке на 8 тыс. руб., он израсходовал вырученные деньги на собственные нужды⁴⁷.

В ряде случаев сами председатели колхозов становились инициаторами подкупа районных управленцев. На заседании бюро обкома обсуждалась фигура председателя колхоза «За Родину» Кувшинова, который характеризовался М.В. Кулагиным как «ловкач» и «делец»: «Он по-купечески обрабатывал там всех городских, районных и других руководящих работников. Он затягивал их, опутывал различными подарками: к праздничку посылочку, свежие овощи нужны – к вашим услугам, мясо нужно – пожалуйста, выпить хочешь – с великим удовольствием и т.д., и на его удочку попали многие руководящие работники». Дело дошло до того, что райком предложил этому колхозу выделить участок и посадить своими силами картофель исключительно для снабжения работников комитета партии и райисполкома. С колхозом в результате рассчитались деньгами, которые были распределены на трудодни. Сам же председатель колхоза, по словам М.В. Кулагина, «этим самым создал себе условия, когда его никто не мог критиковать, когда его стали расценивать как значительного человека, забывая, что на самом деле это торгаш, ловкач и что его нельзя терпеть на посту председателя колхоза»⁴⁸.

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 719. Л. 141.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 251.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 680. Л. 157 об.

Благодаря включенности ответственных работников снабженческих организаций в теневую экономику колхозы получали возможность приобретать остродефицитные в военное время товары. В июле 1945 г. были вскрыты крупные злоупотребления на новосибирской базе Сельхозснаба. Только за период с 1 января 1944 г. по 1 июля 1945 г. ее работники, получая взятки, незаконно распределили дефицитных запасных частей, инструментов и материалов общей стоимостью в 170 656 руб. Активную роль в реализации товаров «из-под полы» играли директор базы Чеботарев и его заместитель Савиных. Запасные части и материалы за взятки приобретались колхозами (причем не только Новосибирской области) и другими организациями. Например, в августе 1944 г. колхозу «Краснофлотец» Алтайского края Чеботарев за взятку (2 овцы) отпустил различных дефицитных товаров стоимостью в 5 тыс. руб. В августе 1944 г. и феврале 1945 г. Чановскому и Венгеровскому райпотребсоюзам в обмен на 60 кг масла, 8 кг конфет, 40 кг гидрожира, 50 кусков мыла и 10 кг сахара было выдано разных материалов на сумму в 2 724 руб. Получив от колхоза «Память Кирова» Маслянинского района овцу, куль муки и 10 кг меда, Чеботарев отпустил ему запасных частей и инструментов на 1 364 руб.⁴⁹

Не только продукция, но и земля выступала для колхозов активом, который можно было использовать в теневых операциях. Крайне выгодной практикой для колхозов пригородных районов была сдача земли в аренду промышленным предприятиям и городским организациям. В данном случае теневые сделки компенсировали неповоротливость бюрократического аппарата. Государственная власть осознавала потребность несельскохозяйственных организаций в обзаведении собственными подсобными хозяйствами. 7 апреля 1942 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), по которому облисполком должен был выявить и передать под подсобные хозяйства все пустующие земельные участки в городах, а при их отсутствии разрешить промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посевы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних⁵⁰. Заявки о выделении земли поступали в облисполком и облземотдел, но рассмотрение их затягивалось. На 21 июня 1944 г. оставались неразобранными дела об отводе земель 347 организациям на 28 309 га⁵¹. Как следствие волокиты, городские предприятия и организации предпочитали, минуя облисполком, договариваться с колхозами напрямую на взаимовыгодных условиях.

Так, в колхозе «Пламя революции» Коченевского района в 1944 г. из 2 506 га закрепленной за ним земли общественными посевами было занято только 382 га, а 800 га были выделены для подсобных хозяйств различных предприятий и учреждений. Землю в этом колхозе имели 16 различных организаций, и только одна воинская часть получила подсобное хозяйство легально, через облисполком. В обмен на землю колхоз получал промышленные товары. От Новосибирской межрайонной базы облпотребсоюза за 40 га земли колхоз получил 20 комплектов конной сбруи, 2 кавалерийских седла, 2 кг баббита, более 100 кг автола; от Новосибирской швейной фабрики № 4 за 80 га земли – 4 мужских и 5 женских костюмов, 20 м парусины; от Чикского ремзавода за 30 га – 50 кг автола и 1,5 т угля; от второго вагонного участка Томской железной дороги за 50 га – 4 ведра, 4,5 м брезента, 10,5 кг гвоздей и 2 кг шпагата⁵².

В колхозе «Память Ильича» того же района из 2 918 га закрепленной за ним земли под общественные посевы было занято менее 200 га. В то же время 814 га были отданы в аренду 18 предприятиям и учреждениям. Только 2 из них получили от колхоза землю легальным путем. Колхоз за переданные таким образом уголья получил от железнодорожного училища 3 т угля и 5 ведер; от узловой железнодорожной поликлиники – 30 м марли и одну пару ботинок; от продтехснаба Новосибирского треста столовых – 50 кг колесной мази, 50 кг веревки, 5 кусков кожи и 5 л водки; от женской детской консультации г. Новосибирска –

⁴⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 851. Л. 65–65 об.

⁵⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3. С. 65.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 49 об.

⁵² Там же. Л. 47 об.

10 недоуздов⁵³ и 6 кг сыромятного ремня⁵⁴. При нелегальной передаче земли в аренду ставился вопрос: как будут выполняться обязательные поставки сельхозпродукции, которыми облагался каждый гектар, закрепленной за колхозами земли? Это решалось переговорами: в некоторых случаях сами колхозы выполняли все госпоставки, в других же случаях арендаторы земли отдавали часть продукции в счет выполнения планов.

Зачастую в «тень» уходили и денежные операции колхозов. Сложившаяся в 1930-е гг. система финансового обслуживания колхозов позволяла последним хранить в колхозной кассе «минимальную сумму» наличных денег. Снятие денежных средств со счета капиталовложений разрешалось только в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой. Колхозы имели право позаимствовать деньги на текущие расходы, но при условии их последующего возврата⁵⁵.

Минуя банковскую систему, колхозы формировали «черные кассы», денежные средства из которых расходовались как на нужды колхозов и колхозников, так и на расчеты с государством. Например, колхоз «50 лет Климу Ворошилову» продал колхозный дом за 30 тыс. руб. и телку за 3 тыс. руб., но вырученные деньги на счет капиталовложений не внес, а израсходовал 8 тыс. руб. на уплату страховых платежей и подоходного налога, 10 тыс. руб. в счет подписки на военный заем и остальные 15 тыс. руб. раздал авансом на трудодни колхозникам. Другой колхоз, продав дом за 15 тыс. руб., 8 тыс. израсходовал на оплату займа и 7 тыс. раздал колхозникам на трудодни⁵⁶. Колхозы бесконтрольно тратили весьма значительные суммы денег. Например, в 1943 г. колхоз «Заря» Мошковского района израсходовал, минуя банк, 184 тыс. руб., колхоз им. Харлампиева – 132 тыс. руб., колхоз «Партизан» – 82 тыс. руб.⁵⁷

Заключение. Колхозный строй, сложившийся в 1930-е гг., позволял правительству по своему усмотрению управлять соотношением долей произведенной колхозами продукции: той его части, которая почти за бесценок доставалась государству, и остатком, распределявшимся между самими колхозниками. В связи с непредсказуемостью государственной политики крестьянство не видело возможности полагаться на колхозы как на основной источник средств к существованию. На протяжении всего десятилетия крестьянство изобретало, воспроизводило и умножало практики, которые позволяли ему хотя и нелегально, но использовать колхозы в своих экономических интересах. По этой же причине усиливалось взаимное недоверие между государством и колхозным крестьянством.

Во время войны государственная мобилизационная политика минимизировала возможности для крестьянства получать доходы от колхозов, увеличив долю неоплачиваемого труда. Это, в свою очередь, закономерно вызвало сопротивление «снизу», выразившееся в хищениях продукции, уклонениях от артельного труда и его имитации, бегства из неблагополучных колхозов и т.д. Власть отвечала на рост нежелательного поведения колхозников усилением мер надзора, принуждения и насилия.

Дисбаланс государственных интересов и частных интересов крестьянства негативно влиял на продуктивность в колхозном секторе экономики. Производственный цикл в земледельческой отрасли занимал продолжительный период времени (весна-осень). Продуктивность зависела от качества выполнения работ на каждом его этапе (посев, уход, уборка). Проблема заключалась в том, что для колхозного крестьянства экономическая ценность вкладываемого в колхозное производство труда низводилась до минимума. Труд был условием членства в колхозе и давал возможность законно пользоваться ЛПХ, которое и становилось основным источником доходов. Как следствие, безразличие колхозников к результативности собственных трудозатрат на колхозных полях и фермах. Более того, для колхозов оказывалось выгодным приведение урожая в некондиционное для сдачи государству состо-

⁵³ Недоуздок – элемент упряжи лошадей и скота.

⁵⁴ ГАНУ. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 47 об. – 48.

⁵⁵ *Кометчиков И.В.* «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 407.

⁵⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 224. Л. 18–19.

⁵⁷ Там же. Оп. 33. Д. 723. Л. 64 об.

яние, поскольку «отходы» оставались в их распоряжении. Слабость колхозной экономики, которая не справлялась с обеспечением всей страны продовольствием, частично компенсировалась сектором подсобных хозяйств, который стихийно расширялся за счет колхозных земель, а также теневой экономикой, смягчавшей провалы государственного снабжения.

Колхозы, однако, находились далеко не в равных условиях. В наилучшем положении оказывались относительно малоземельные пригородные колхозы, для которых и заготовительные планы оказывались меньше (ввиду погектарного принципа), и возможности для контактов с городом были шире. Наихудшая ситуация складывалась в многоземельных и отдаленных от городов колхозах (в Новосибирской области это прежде всего колхозы Барабинской степи), которые в большей степени оказывались подвержены голоду.

Литература

Андреев С.Н., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 4. С. 5–12.

Изюмова Л.В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Т. 59, № 16. С. 103–118.

Кометчиков И.В. «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 406–414.

Лапердин В.Б. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 38–52.

Мерль Ш. Переоценка результатов советской сельскохозяйственной политики в свете сегодняшних успехов // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, № 1. С. 45–69.

Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 93 с.

Сухова О.А., Ягов О.В. Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 154–166.

References

Andreenkov, S.N., Il'inyh, V.A. (2020). Sel'skoe hozyaystvo Sibiri v 1941–1945 gg.: dinamika i organizatsionno-proizvodstvennaya struktura [Agriculture of Siberia in 1941–1945: Dynamics, Organizational and Production Structure]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 27, No. 4, pp. 5–12.

Izyumova, L.V. (2008). Kolhoznyy sotsium 1930–1960-h gg.: sotsial'naya transformatsiya, identifikatsiya i prestizh [Collective-Farm Society in the 1930s–1960s: Social Transformation, Identification and Prestige]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 59, No. 16, pp. 103–118.

Kometchikov, I.V. (2014). “Chernye kassy” kolhozov Tsentral'nogo Nечernozem'ya i bor'ba s nimi v seredine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [“Black Cash Registers” of Collective Farms of Central Non-Chernozem Region and the Fight against Them in the Mid-1940s – Early 1950s.]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. No. 1, pp. 406–414.

Laperdin, V.B. (2021). Gruppovye konflikty v kolhoznom sotsiume Zapadno-Sibirskogo kraya v 1930-e gody [Group Conflicts in Collective Farm Societies of West Siberian Territory in the 1930s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (18), pp. 38–52.

Merl', Sh. (2019). Pereotsenka rezul'tatov sovetskoy sel'skohozyaystvennoy politiki v svete segodnyashnih uspehov [Reassessment of the Soviet Agrarian Policy in the Light of Today's Achievements]. In *Krest'yanovedenie*. Vol. 4, No. 1, pp. 45–69.

Motrevich, V.P. (2021). *Vklad v Pobedu: sel'skoe hozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Contribution to the Victory: Ural Agriculture during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg, Al'fa Print. 700 p.

Stalin, I.V. (1952). *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in USSR]. Moscow, Gospolitizdat. 93 p.

Suhova, O.A., Yagov, O.V. (2022). Problemy agrarnogo razvitiya Penzenskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Problems of Agrarian Development of the Penza Region during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Vysshih uchebnyh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 1 (61), pp. 154–166.